

Торжественный прием на Столичной звезде Галактической Империи завершился лишь к одиннадцати часам вечера.

Под занавес банкета Юнь Сюньлань разделил с сестрой по бокалу легкого вина из листьев кипариса. Сразу после этого Юнь Сюньгуан распорядилась, чтобы Ни Чунь и личные гвардейцы сопроводили принца обратно в Северный императорский дворец.

Юй Чэнь, лучше всех переносивший подавление феромонами Юнь Сюньланя, без тени сомнения был выбран тем «счастливчиком», кому доверили занять место в одной машине с принцем. Под очередным исполненным жгучей зависти взглядом Фу Яньси майор сел в салон и, повинуясь жесту Его Высочества, опустился на сиденье рядом с ним.

Они вновь оказались в опасной близости.

Настолько, что Юй Чэнь чувствовал исходящий от Сюньланя едва уловимый аромат кипарисового вина.

Парадокс заключался в том, что ежедневно во время изнурительных тренировок майор раз за разом сталкивался с имитацией подавления феромонами этого человека. Он привык сопротивляться сокрушительной мощи, которую излучал фантом, и казалось, между ним и Юнь Сюньланем никогда не существовало безопасной дистанции.

Раз за разом...

Снова и снова...

Он привык хладнокровно встречать любое давление на учениях, но сейчас, сидя вплотную к юноше в отсутствие всякого подавления, внезапно ощутил странную неловкость. Это чувство не посещало его во время прошлых встреч. Юй Чэнь попытался убедить себя, что всему виной теснота салона, который казался крошечным по сравнению с просторными залами дворца.

Однако Юнь Сюньлань умудрился сделать это замкнутое пространство еще более интимным — он поднял перегородку, отделяющую их от водителя и охраны, а затем негромко произнес:

— Юй Чэнь.

Голос принца не отличался чистотой; в нем слышалась магнетическая хрипотца, а темп был легким и неторопливым. В этой вкрадчивой манере Юй Чэню почудилось нечто до странности похожее на сбивчивое дыхание любовника в моменты страсти. Когда юноша вот так отбросил все официальные титулы и просто назвал его по имени, у майора возникло мимолетное наваждение, будто Сюньлань шепчет это ему в постели.

Он предположил, что принц, должно быть, просто немного захмелел, раз заговорил так.

Юй Чэнь не отвел взгляда, продолжая смотреть на перегородку, за которой скрылись Лоти и Ни Чунь, и отозвался:

— Ваше Высочество?

— Когда мы наедине, можешь не называть меня так. Я ведь тоже не зову тебя «майор Юй Чэнь», — Юнь Сюньлань говорил абсолютно трезво, явно отдавая себе отчет в каждом слове. — Вэньси называет меня «Юнь Сюньлань». Ты можешь делать так же.

«Уже в третий раз»

Юй Чэнь и доктор Пэй были убеждены, что принц выбрал его в наставники только из-за безупречного балла по «Военной психологии», но Сюньлань вызывал его к себе уже трижды и ни разу не обмолвился о занятиях. Каждая их встреча превращалась в череду туманных, почти иносказательных разговоров, смысл которых ускользал от понимания.

У Юй Чэня накопилось множество вопросов.

«Почему, давая имя своей мехе, вы смотрели именно на меня? Действительно ли ваш взгляд предназначался мне?»

«Раз Цзянь Вэньси называет вас „Юнь Сюньлань“, то кто он вам? И кто я для вас? Почему мне позволена та же привилегия? Вы подняли эту перегородку лишь для того, чтобы создать мир для двоих, позвать меня по имени и дожидаться, когда я назову ваше?»

Но ни один из этих вопросов майор не мог задать вслух. Его положение не позволяло подобной дерзости. И в то же время он не мог отказать принцу, хотя понимал, что такое обращение совершенно неуместно.

Впрочем, сам он уже совершил немало неуместных поступков. Став гвардейцем Сюньланя лишь ради доступа к мехе 3S-класса, он только что, стоя перед проекцией величайшей машины, не раздумывая, предпочел смотреть на удаляющуюся спину принца.

Поэтому Юй Чэнь ответил:

— Хорошо.

Но само имя «Юнь Сюньлань» так и не сорвалось с его губ.

Казалось, это краткое согласие послужило ключом к его мыслям. Сереброволосый альфа, едва услышав голос спутника, словно прочитал все то, о чем тот умолчал. Юнь Сюньлань тихо рассмеялся и принялся отвечать на первый, незаданный вопрос:

— Юй Чэнь, прости мне мою вольность... Давая имя своей мехе, я использовал иероглиф «Чэнь» из твоего имени.

Майор резко повернул голову. Он встретился взглядом с золотыми глазами, которые, как выяснилось, все это время не сводили с него глаз. Это были прекрасные глаза феникса, с длинным разрезом и чуть приподнятыми уголками; в складке века пряталась крошечная алая родинка, придававшая облику юноши неуловимое очарование.

Сейчас в этих золотых омутках отражался только он сам. Юй Чэнь ощутил себя той самой точкой опоры, к которой прикипел взор принца. Каждое мгновение этой безмолвной дуэли взглядов кричало: «Да, я смотрю только на тебя».

Однако вслух Юнь Сюньлань произнес лишь очередное извинение:

— Прости. Я заимствовал часть твоего имени, не спросив разрешения. Ты сердишься?

Зрачки принца сияли чистым, ослепительным золотом, точно корона звезды, извергающая потоки раскаленных частиц. Глядя на это лицо, отмеченное божественной красотой, Юй Чэнь чувствовал себя путником, который в разгар суровой зимы жадно ловит каждое мгновение тепла. Он не мог заставить себя отвернуться.

— Нет, — наконец вымолвил он. — Имя — это не собственность. Этот знак принадлежит всему миру.

Юнь Сюньлань едва заметно улыбнулся:

— Верно. Он не принадлежит тебе одному. Но когда я думал об имени для машины, я вспомнил только о тебе. С самой первой нашей встречи у меня не выходило из головы это чувство.

Принц помолчал, а затем добавил:

— Ты кажешься мне последним метеором, падающим в ночи, чтобы возвестить о близости рассвета.

Пройдет ночь, и вся Галактика узнает, что меху третьего принца зовут «Цзянь Синчэнь», но никто, кроме них двоих, не догадается, что часть этого имени принадлежит скромному майору.

Юй Чэнь еще не успел совладать с дыханием, сбившимся от этой двусмысленной фразы, как

принц спросил:

— Юй Чэнь, а что означает «Чэнь» в твоём имени на самом деле? Каков его смысл?

— Оно означает «Чэньни» — погружение. Или одержимость.

Майор сделал едва заметный вдох и понизил голос:

— Мой отец... он без памяти любил маму. Он говорил, что её глаза — как море, и он мечтает навсегда погрузиться в их бездну.

Слово «Чэньни» в древнем языке означало неумеренную привязанность или страсть, безоглядное падение в пучину, из которой человек не может выбраться сам.

Выслушав его, Юнь Сюньлань заглянул в глубокие синие глаза собеседника. В его негромком голосе, пропитанном алкоголем, слышались новые нотки:

— Мне тоже кажется, что твои глаза похожи на море. Даже больше, чем твои феромоны.

Это прозвучало слишком интимно. Каждое слово принца этой ночью балансировало на грани дозволенного. Если бы такой разговор вели между собой альфа и омега или даже альфа и бета, это назвали бы откровенным флиртом. Но то, что между ними все еще сохранялась невидимая преграда, объяснялось лишь одним: они оба были альфами.

Существами, чья физиология и инстинкты диктовали лишь соперничество, взаимное отторжение и подавление.

Юй Чэнь не понимал, осознает ли это Юнь Сюньлань. Казалось, Его Высочество совершенно не чувствовал границ социальной дистанции.

— Как ты думаешь, на что похожи мои феромоны? — внезапно спросил принц.

Услышав этот вопрос, Юй Чэнь поймал себя на мысли, что, возможно, он и сам подсознательно игнорирует двусмысленность их положения. Ведь он мог бы дать самый простой и привычный ответ: «Они пахнут личи и розой».

Вместо этого он позволил себе дерзость окончательно разрушить ту самую преграду, заставляя атмосферу в машине сгуститься:

— На новое мороженое из «Эллиансии».

Юнь Сюньлань на мгновение замер, явно озадаченный:

— Ты уже пробовал его?

— Да, — голос Юй Чэня стал хриплым.

— И ты считаешь, что его вкус похож на мой запах? — уточнил принц.

— В моем воображении это именно так.

Майор слишком хорошо знал его ауру. Ее запах, ее давление — с того самого дня, как он переступил порог Северного императорского дворца, он изучал их ежесекундно. Но он никогда не чувствовал подлинного аромата, исходящего от самой плоти за затылком принца, непосредственно из его желез.

— Точно, — отозвался Юнь Сюньлань. — Ты ведь еще ни разу не вдыхал мои настоящие феромоны.

Он вспомнил, что Юй Чэнь так и не принял перевод в 200 кредитов и ничего не ответил на сообщение. Принц решил, что майор просто проигнорировал его совет зайти в кондитерскую. Юнь Сюньлань медленно поднял руку, коснувшись пальцами пластыря-ингибитора на своей шее, и вновь посмотрел на спутника.

Синие глаза Юй Чэня напоминали застывшее перед бурей море, в глубине которого вскипали темные волны. Сюньлань, не будучи в силах погрузиться в эту пучину, видел лишь самое явное, неприкрытое желание.

Подчинившись этому порыву, принц спросил:

— Хочешь почувствовать?

«Хочу ли я?» — задался вопросом майор.

Ответ был очевиден: он жаждал этого, иначе не стал бы намеренно подводить собеседника к этой теме. Но сейчас его занимало другое. Его собственные мотивы были предельно ясны, но он до сих пор не мог разгадать, зачем Сюньлань выделяет его среди прочих. Если это не уроки, то что?

Юй Чэнь, не мигая, смотрел на кончики пальцев принца, прижатые к ингибитору.

— Хочу, — ответил он, одновременно и соглашаясь, и испытывая судьбу.

Даст ли Юнь Сюньлань то, о чем он просит?

Юноша убрал руку от пластыря. На мгновение это показалось отказом. Но в следующую секунду Сюньлань коснулся воротника, отстегнув крошечную сапфировую запонку — тот самый замаскированный коммуникатор, который он когда-то использовал как повод для разговора. Юй Чэнь увидел, как принц закрепил прибор на хряще уха.

Движение было почти бесшумным, даже шорох ткани едва ли был слышен, но майору показалось, что внутри машины произошел беззвучный взрыв. Это было похоже на вспышку сверхновой: ослепительно, сокрушительно и совершенно тихо.

Аромат белой мякоти личи и розовых лепестков по-хозяйски заполнил все пространство. Словно звездная пыль, частицы феромонов с каждым вдохом проникали в легкие. Но вместо того чтобы созидать, они начали стремительно сжиматься, превращаясь в черную дыру, из которой не было спасения.

Юй Чэнь, захваченный этой гравитацией, мгновенно провалился в состояние гона.

Казалось, само его тело вспыхнуло от этого запаха, расцветающего прямо в крови. Каждое нервное окончание вибрировало и плавилось, мысли превратились в раскаленный свинец. Феромоны, требующие немедленного выхода, закипали в его железах, и только армейский ингибитор высочайшего класса не давал этому безумию прорваться наружу.

А виновник этой катастрофы мягко произнес:

— Я убрал всякое подавление феромонами. Тебе не должно быть слишком тяжело.

<http://bllate.org/book/15866/1436147>